

Артём Ощепков

АВТОСТОПОМ

Артём Александрович Ощепков Автостопом до Москвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42675803

SelfPub; 2020

Аннотация

Студент поехал в Москву, а попал в тонированную "Ладу". Куда же его подвезли? В оформлении обложки использовано личное фото автора и его лучшего друга.

Предисловие

Не стремясь осквернить религиозные чувства или оскорбить народы, автор просто рассказал историю, приключившуюся с ним в разгаре мая на трассе Санкт-Петербург – Москва. Все неточности описания религиозных и национальных нюансов, молитв, объясняются его неграмотностью.

Глава 1. На Москву

Душа требует романтики. Узнав, что друг детства Лёха приезжает в Москву, я решил добраться туда на попутках. С Лёхой мы были не только друзьями, но одноклассниками, да ещё и соседями. Выросли в Сибири, а теперь разъехались: я в Питер студентом, Лёха в казарму курсантом.

Я никогда не путешествовал автостопом. Любопытство смешивалось со страхом. “Закопают тебя где-нибудь в лесу”, “А что, если убьют там по пути?”, “Это очень опасно!”, – слышалось отовсюду. На все замечания о трудностях авантюры я отвечал: “Не боюсь”. Сам же представлял, как меня застрелит бандит, разъезжающий на разваливающемся шедевре российского автопрома. Но отступать поздно. Я рассказал друзьям, что еду автостопом, уже обрадовал Лёху и даже успел нарисовать на упаковке из-под пиццы большими красными буквами: “До Москвы”.

Аккуратно заправил кровать. Хорошо оставить дом чистым перед тем, как уйти. Веры в завтра не оставалось, но

я всё равно постирал бельё, которое мне больше не суждено было надеть. Выходя из душа, ударился бровью о дверь. Это же знак! Нужно остановиться, передумать! Однако тогда картонная коробка всегда укоряла бы меня за предательство мечты и друга.

Социальная реклама запугивала: ”Пьянство – причина ДТП”. Пророчество однозначно: я погибну в аварии.

И всё-таки ноги донесли до Московского шоссе. Если никто не подхватит и я дойду пешком до Пушкина – остановлюсь. Ведь там живёт *она*.

Глава 2. Алим

Я шагал вдоль дороги, размахивая картонкой то левой, то правой рукой, но надеясь, что никто не подберёт. Дойти бы до Пушкина и увидеть *её*.

Остановилась красная машина! Красный – любимый цвет! Неужели это ко мне?!

– Артём. Подвезёте?

– Антип. Докину до выезда возле Ижоры. Здесь ещё едут кто куда, а там уже все в Москву.

– Это около Пушкина? Круто, поехали!

В чистом салоне играл русский рок. Приятной внешности молодой водитель рассказал, как однажды подвёз священника-автостопера, который, добравшись до пункта назначения, не только не дал денег, но и выпросил милостыню. Я же гадал, разумно ли садиться в девятку с болтающимся бампе-

ром и суровыми кавказцами внутри, если такая вдруг остановится.

Мы простились с Антипом недалеко от Пушкина. Первый в жизни автостоп удался! Улыбка удачи наполнила меня смехом, азартом и большой любовью к вечеряющему солнцу. Волна свободы накрывала. Я не мог устоять. Я прыгал на месте и мерился с горизонтом шириной улыбки.

Чёрная "Лада" сдала назад.

Открылась дверь. Водитель – кавказец. Объём его бицепса в шесть раз больше моего.

– Алим. – с акцентом гармонического минора представился водитель.

– Подвезёте? Прямо до Москвы?

– Садись.

Да будет так. От судьбы не уйдёшь. Сажусь. Пытаюсь пристегнуться.

– Не-не-не, эта не надо! Документы есть?

Хорошо, всё в порядке. Меня предупреждали, что водилы спрашивают документы.

– Да, есть. Вам показать?

Мы трогаемся навстречу ночи и семи сотням километров в компании друг друга. Я не осмотрел машину, но запомнил номер. Вертеть головой, чтобы убедиться, что на заднем сиденье точно нет пистолета, сейчас уже неловко.

Если меня захотят убить, то на органы, но я не хочу об этом думать. Следовательно, это маловероятно. Если это

убийство ради денег, их у меня всё равно немного. Я отдам всё, лишь бы не убили. Мне удастся договориться. Жаль только терять блокнот и браслет из пуговиц, собранный друзьями.

Эти мысли немного успокоили.

– Артём, ты сказал кому-нибудь, что едешь в Москву?

Именно так должны начинать разговор убийцы.

– Да, конечно, говорил.

– А мама знает?

– Само собой. Пришлось её поугovarивать, правда. Но вообще я сказал, что собираюсь ехать автостопом.

– Ты меня не бойся. Я добрый. Доверять каждому незнакомому не надо, эта ты правильно делаешь. Но со мной доедешь, честное слово говорю! – успокаивает меня Алим.

Киваю.

– Маме позвонил?

– Точно, сейчас позвоню. Вы не обидитесь, если я скажу ей номер машины?

– Не-не, конечно говори.

Звоню маме в последний раз. Она спит за четыре тысячи километров отсюда. Кажется, я упоминал, что собираюсь ехать к Лёхе автостопом, но потом свёл это к шутке. Сонным голосом она ласково реагирует на то, что я поймал машину и к утру буду в столице.

– Дай телефон. – просит Алим.

– Алло, эта Алимводитель. С вашим сыном всё в порядке

будет, я его прямо до Москвы доведу. Пусть обязательно позвонит вам утром. – и вернул мне телефон.

– Да, мам, всё в порядке. Спокойной ночи!

Через минуту получаю сообщение: “Скинь-ка номер машины”. Вслух сказать его я то ли забыл, то ли решил, что одного намерения достаточно. Ответ отправить не могу. Дурацкий тариф! А звонить и произносить номер неловко.

Прислушаемся к музыке Алима. Среди разгульных восточных песен и русской попсы мне особо запомнится рэп, начинающийся со слов “я чеченец, и я этим горжусь”. Пульсирует горячий нрав горного народа, призывая к отмщению за оскорблённую чеченскую гордость. Кажется, откуда-то из-за музыки доносится “Аллах Акбар!”.

Я подпеваю знакомым песням, потому что делал бы так же в обычном состоянии. Желая ускорить время, я тоже требую “перемен” и грущу о жизни, прошедшей “по ресторанам”.

– Это же Цой! Мы эту песню играли в ансамбле с Лёхой!

– А где твои родители, Артём? Здесь, в Питере?

Он точно маньяк. Желание соврать во спасение борется с ... чем?

– Нет, они далеко в Сибири. Я здесь живу с друзьями.

– А сам ты питерский?

– Не, я сибиряк.

Может, надо было выдумать, будто родители в Питере, а отец из ФСБ?

– Я – кабардинец. Слышал о такой национальности?

– Да, конечно.

– Гора Эльбрус знаешь? Самая высокая! Я вырос у неё. Я из Нальчика.

Скоро разговор угасает. Мы молча несёмся сквозь опускающуюся на трассу М-10 ночь. Алим звонит друзьям и секретничает с ними на незнакомом языке о том, что везёт пацана на убой. Очевидно, что он – часть большой продуманной схемы по отлову незадачливых автостопщиков. Сейчас десятки таких, как я, везут навстречу последнему часу. Иначе нельзя объяснить огромное количество “друзей”, бодро отвечающих ему в поздний час.

Сворачиваем к заправке. Он выходит из машины, чтобы обсудить с “друзьями”, каким способом меня будут убивать. Здешний охранник явно подкуплен, это видно по его походке. Ещё один кавказец поглядывает на меня из-за витрины магазина. Вот и сообщник! Может, убежать к фуре, что заправляется рядом? Срочно звонить маме!

В Кузедеево, милой деревеньке, где я вырос, уже рассвет: засыпает даже ночь, но только не мама. Слова Алима её, видимо, не успокоили. Я передаю ей номер машины убийцы и примерные координаты места преступления. Напоследок желаю маме спокойной ночи. Сделать это оказалось удивительно просто, обыденно. Собственный голос остаётся твёрдым, чем я тихо горжусь.

Палач возвращается. В его руках чипсы и шоколадка. Он хочет прикормить меня, чтобы усыпить бдительность. Про-

фессионал!

Спать в дороге не буду. Как только усну, он свернёт, и мне конец. Потихоньку жую чипсы, сжимая в ладони шариковую ручку. Удара ею необходимо и достаточно, чтобы ошеломить убийцу и успеть выбежать из машины.

– Ты не устал, Артём?

– Нет-нет, я студент. Привык не спать ночами. – лгу я правду.

То, что Алим скажет через секунду, окатит меня ледяной волной:

– Ничего, если я помолюсь?

Вот он – конец.

– Нуу, молитесь.

Религия! Как я об этом не подумал! Он убьёт меня не из-за денег. Идея! Идея страшнее! Меня нужно убить: так повелевает вера экстремиста. Машина останавливается, и моё сердце тоже.

– Я мусульманин.

– Я уважаю чужую религию. Может, мне выйти, пока вы молитесь?

– Не-не-не, сиди.

Водитель чинно снимает чёрную с тремя полосками кепку, возлагает руки на руль и закрывает глаза.

– Аллах Акбар.

Над весенним русским полем полная Луна освещает то-

нированную “Ладу”, в которой молится кабардинец. Студент рядом ждёт, что будет дальше. Пространство кажется ему натянутой нитью, которая вот-вот порвётся. Он гадает: звучит молитва вроде “Отче Наш” или последняя исповедь террориста? Как страшно ему не знать этого! Как глупо никогда за всю жизнь не ознакомиться с миром Корана хоть чуточку! Вдруг он уже нарушил какое-нибудь важное правило, и за это должен быть наказан!

– Тц, тц, тц.. – ритмично отсчитывает секунды до взрыва Алим, положив голову на руль.

– Аллааах-Акбааар! – напевает он, добавляя непонятные рваные слова. Славит ли он своего Бога за жизнь и обещает никогда не убивать или же даёт клятву извести неверных?

Вот-вот кончится молитва, и студент вместе с ней.

Голова вверх. Голова вправо. Голова влево. Вниз. Руки на коленях.

Алим открывает глаза. Жмёт на газ. Я ощущаю себя Достоевским, которому прочитан приговор о смертной казни. До эшафота остаётся ... минута, две, пять? Хватаю блокнот:

“Достоевский писал: заинтересовался мнением прохожего. А я полюбил. Каждого полюбил. Хочу подойти и обнять каждого вопреки их непонимающим лицам. Сильно-сильно обнять. Простить. Поцеловать-расцеловать. Ведь самая обычная жизнь – сверх-интересна, всё вокруг – сверх-любовно! Любить каждое проявление жизни, каждого человека,

друга хочу сейчас. Никогда не прятать эмоции. Пылать! Гореть! Жить!..”

– Артём, а ты верующий?

– Знаете, я ещё не решил. Когда-то верил, когда-то нет. Сейчас я ищу. Считаю, что неправильно верить, потому что так сказали. Нужно самому найти это. – и чего я так открывничаю с ним?

– Это большой грех, Артём, что ты не веришь в Бога.

Молчу. Алим называл себя добрым. Но что, если в его понимании быть добрым значит уничтожать неверных Аллаху? Неопределённость понятия доброты, по-философски бестолковая проблема, сейчас изводит мою душу.

– Я исламист. Я никого не боюсь. Никого, кроме Бога. – посмотрел мне в глаза Алим. Сейчас свернёт на встречу. Выпрыгну из автомобиля – попаду под грузовик.

– Да, бояться глупо. – соглашаюсь я.

Резкий поворот руля.

На дороге труп. Алим едва объехал сбитого кем-то оленя.

Минуты ползут и ползут, а меня доставляют в Москву, чтобы сделать одним из бойцов группировки "Аль-Каида"¹. Нужно себя чем-то отвлечь. На что похожа Луна? На глаз притаившегося хищника. Светит чёрт знает, как. Минуты сменяются часами, а мы всё едем к Москве и утру. Луна похожа на воздушный шарик. Утро умывается светом. Спящая

¹ Деятельность террористической организации “Аль-Каида” запрещена на территории РФ.

на обочине фура похожа на котёнка, который склонил голову и подsunул лапки под маленькое тельце.

Алим останавливается, чтобы ещё раз помолиться. Я выхожу из машины – на всякий случай перекреститься.

И вот до Москвы осатётся меньше сотни километров. Становится ясно, что Алим просто подвозил автостопера, молился своему Богу и переживал о стереотипах, связанных с его народом и верой.

Я выхожу из чёрной “Лады” у красного московского метро. На картонке Алим по моей просьбе оставил подпись. Простившись с ним, как с дорогим другом, я ушёл в тишину утренней Москвы.

Глава 3. Качели

Я расшагиваю по московским бульварам. Гордым гербом на прямой спине красуется картонная коробка с величественным: “До Москвы”. Руки танцуют, гремят пуговицы браслета!

Сворачиваю за угол. Вдруг солнце обжигает. Передо мной площадь с качелями, фото которых показывала *она*. Если у Москвы есть душа, то она живёт здесь, сочувствуя взлётам и падениям пришедших сюда людей.

Подкрадываюсь ближе. Дрожащие лучи трогают мои волосы.

Нужно позвонить *ей* – предложить встретиться, когда вернусь. Ведь я живой, я вернусь, и это – счастье! Какая разни-

ца, чья гордость больше? Когда умрём, нам это будет безразлично. В эту ночь я, считай, умер, а значит всё остальное не так важно.

Разбудил. Ответила “нет”. Сказала, что болеет. Верю, что это правда, а хочется, чтобы она лгала. Но я же на *тех самых* качелях, как она этого не понимает! Разве это не меняет всё?! Я же здесь из-за *неё*! Я *езде* из-за *неё*! Как можно говорить “нет” после такой ночи! Как можно не забыть о любых разногласиях! Ведь мы живы, и это чудо! Как можно в *новое* утро говорить “нет”!

Светлая девушка улыбается московскому небу на соседних качелях. Каждый человек удивительно красив, когда улыбается по-настоящему. Скрестил ноги, медитирую, насильно не думая о *ней*. Смотрю на девушку, иногда замечая ответные взгляды. Она явно не заскочила по пути, не ждала подругу, а специально пришла на качели ранним утром.

– Как вышло, что ты сейчас, в семь утра, сидишь на качелях и улыбаешься? Ты выглядишь счастливой.

– Я здесь молюсь.

Входящий звонок не дал осознать сказанного. “Лёха”, – увидел я на экране.